

18+

Алексей Гуртовой

На курсе

*Когда больше
не хочешь
повторить то,
что вспоминаешь
с удовольствием*

Алексей Гуртовой

На курсе

«Издательские решения»

Гуртовой А.

На курсе / А. Гуртовой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512587-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Иронично-правдивое изложение реальных событий, происходивших в конце XX века с молодым провинциалом в Одессе.

Непридуманный юмор на грани, реальные люди, драки и съемки первых порно роликов в Одессе. КВН 90-х, пляжные «бальзаковские» страсти — все здесь!

Весь «напалм» проживания в студенческом общежитии. Яркие воспоминания, основанные на реальных событиях! Если каждый человек — это Вселенная, то «На курсе» — это его проводник в студенческой солнечной системе.

ISBN 978-5-00-512587-3

© Гуртовой А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

На курсе

Алексей Гуртовой

*«Когда больше не хочешь повторить то, что вспоминаешь
с удовольствием».*

© Алексей Гуртовой, 2020

ISBN 978-5-0051-2587-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

«А если очень повезет,
Тебя дорога приведет
На Тихоокеанский флот».
Л. Ошанин.

Еще на выходе из лесопосадки, той, что отделяет жилые кварталы одноэтажных построек ШпалЗавода, от бесчисленного количества стальных путей Приднепровского железнодорожного узла, Алексей увидел маму во дворе их дома. Она держала в руке аккуратно сложенный лист бумаги, и как Алексею показалось, даже немного приветственно им размахивала. Все внутри сказало: «Это она, точно она – повестка». Да, та самая в «несокрушимую и легендарную»... Алексей не то, что бы боялся армии, он просто там себя не видел. Такие перемены, после четырех лет учебы в техникуме совсем не входили в его планы. Больше хотелось быть студентом и дальше. Причем в слово «дальше», он вкладывал вполне конкретное географическое понятие. Поцеловав маму в щеку, он взял из ее рук повестку, и не разворачивая сложил в треугольничек, на манеру героев из художественных фильмов. Так, нагрудный карман Алексея, стал местом пребывания военкоматовской повестки на несколько месяцев, до его поступления в Одесский Государственный Университет.

Слово «косить», у молодежи призывного возраста, в конце 80-х годов не имело ничего общего с косой или серпом. Новомосковские подростки вполне конкретно задавались целью не идти в армию. «Закосить» от призыва считалось не только делом престижа, но и признаком твоего прогрессивного мировоззрения. Причины, видимо уже тогда вырабатывал сам социум, очень меняющийся позднесоветский социум...

В разговорах, среди молодежи того времени, можно было часто слышать фразу: «Кто? Ты не пойдешь, а у тебя „закосить“ ума хватит?» Здесь подразумевалось все, и твое умение убедить врача в хроническом энурезе, и твоя способность рассмешить психиатра, и твои мужские задатки не только женится до армии, но и занять двоих детей. Эту фразу слышал и Алексей. Но методы, рассматриваемые сверстниками, ему не подходили изначально во всех своих проявлениях. Он знал, чего хочет, а хотел он идти дальше своим путем. Путем, который вел его из родного Новомосковска, через Днепропетровский Строительный техникум дальше, в Одессу. В город, где он намеревался продолжать обучение в одном из ВУЗов, дающем отсрочку от призыва и возможность посещать военную кафедру.

Родители Алексея, видимо понимали, что он настроен по иному, чем все его окружение и не препятствовали его действиям. Хотя отец, определенное время был не в восторге. Мама, Валентина Петровна, врач терапевт на Шпалопропиточном Заводе. Небольшое помещение, в парковой зоне завода она делила с Софьей Васильевной, врачом-стоматологом. Их медицины для небольшого, но единственного завода в Европе было достаточно. ШпалЗавод, гордо хранил, и до сих пор воплощал в жизнь, традиции с начала путейного дела на Екатеринославщине. Дважды переезжавший с места на место, и переживший две мировых войны, он смолил древесину не останавливаясь, даже тогда когда уже весь мир перешел на бетонные подрельсовые шпалы. История завода еще помнила заказы на обработку корабельных мачт! Кубинский ром, сигары и местные жители Острова Свободы, далеко за океаном, перемещались по рельсам, уложенным на пропитанные смолой новомосковские шпалы. Последние несколько десятков

лет, единственное специализированное предприятие открыто поддерживало кубинскую молодую республику. Рынок сбыта, был только там...

Папа Алексея, Петр Петрович, телемастер на Днепропетровском радиозаводе. Заря и закат советских черно-белых телевизоров «Весна», прошли вместе с ним и его коллективом по всему Союзу. Когда Алексей познал Одессу, оба эти родительские предприятия постепенно угасали и максимально оптимизировались дельцами под кооперативы и видеосалоны.

При некоторой разности отношений к действиям Алексея, его родителей, дед Петр Андреевич выразил ему открытую поддержку. Прошедший всю войну, командир медсанбата и в свои восемьдесят лет был крепок физически и точен в суждениях. Его рассказы о войне, остались в памяти Алексея отдельной ячейкой. К которой он относился как святыне, всю свою жизнь. Петр Андреевич высказал свое мнение лаконично и прямо. Выслушав Алексея планы, он сказал: «Давай Алексей – действуй! У тебя мысля клеется. Докажи, что ты не какой ни будь там – „Алешка“, при этом характерно помахав открытой ладонью у правого уха». Своим умением говорить публично, молодой человек так же был обязан старому ветерану. Все домашние застолья проходили по подобию парткома, где Петр Андреевич заставлял всех выступать, особенно молодежь.

Внутренние аргументы молодого человека базировались на трудах Ивана Ефремова и Оскара Уайльда, на героике Рафаеля Сабатини и одесских рассказах Исаака Бабеля. Пытливость и наблюдательность, как предтеча особого интуитивного чувства, непременно возникающего перед чем-то действительно важным, говорило ему – только вперед. Это и формировало в нем движущую энергию созидания.

Внешние же аргументы, не примерять военную форму, имели более чем заземленные причины. Дело в том, что все уходящие в армию из их поселка юноши, проходили обязательную процедуру проводов. Выглядело это, очень даже заботливо-печально. Суета – еда, шатер – самогон, невеста. Потом, на следующее утро, привод или чаще всего принос новобранца к военкомату...

Но, самое неприемлемое во всем этом действе для Алексея было обязательное наличие провожающей невесты. Встречается с кем-то будущий воин или нет, не имело никакого значения, провожающая невеста должна была быть. Так и появлялась на проводах в армию девушка рядом, с выражением обязательности на лице. Алексей не мог себе даже представить, кто с ним рядом мог бы находиться в подобной ситуации. Подружки, конечно же, были. Он стройный, среднего роста, с всегда аккуратно зачесанными назад русыми волосами вызывал у девушек интерес, но не до уровня, к которому стремятся подростки в своем желании оплодотворять всех на свете. Серо-голубые глаза, ровный, немного великоватый нос делали его быстрее интеллигентно-надежным, чем привлекательно-роковым. Сфера интереса к нему со стороны женского пола начинала явно проявляться не сразу, а после общения и некоторого количества времени проведенного рядом. Разить с первого взгляда, не было «оружием» из его арсенала. Одногодки-подружки считали Алексея немного заумным, и обычно предпочитали его ровесников с более широкими плечами, простыми речами или, в крайнем случае, с мопедом. Другое дело, девушки постарше, уже прошедшие периоды с плечами и мопедами. Для них первая реакция на внешность Алексея, как на юношу-студента, уже после недолгого общения, сменялась интересом к нему как к молодому мужчине, с хорошим воспитанием и деликатными манерами. Отношения или не начинались вообще или затягивались на относительно длительное время. Причины, как в первом, так и втором случае носили разный характер от недостатка средств, до неготовности связывать себя узами раннего брака. С одной старшекурсницей, он даже знакомил своих родителей, еще в 17 лет, но после ее тайного общения, с его старшим товарищем Александром, эта дама решила идти замуж. Была свадьба, но прожили они и недолго и несчастливо.

В общем проще было, дабы не рушить устои всего поселка, не устраивать проводы совсем. Тем более, что назначенные невесты, чаще всего уже через полгода провожали следующего суженного в войска, или просто выходили благополучно замуж за совсем иных парней.

Особняком же стояла тема на районе, это – приход из армии. Возгласы в ночи, типа: «Матросня пришла!» или «Я ж тебе казала, шо вона сука», – становились нормой. Бодрые песни и громкий смех, обычно заканчивались не мене бодрыми и громкими скандалами. Дальше у всех участников налаженного процесса, были очень похожие судьбы. Шпалопропиточный завод, работа на «железке», стройка для парней или швейная фабрика для девушек. Потом семья, дети, самогон и проводы дальше. Варианты, которые предлагал Новомосковск не могли устраивать Алексея. Своим внутренним миром он понимал, что остановка сейчас, это практически добровольное самоуничтожение. Все вокруг говорило о переменах. О переменах во всем, от телевизионных программ, до отношений между людьми. В этой обстановке нужно было соответствовать новому потоку, совершенно новому информационно-социальному потоку. Призывы Виктора Цоя к переменам и «мое поколение» Кости Кинчева, звучащие из динамиков старого бабинника, обретали совершенно новый практический смысл. В свои, неполных девятнадцать лет, Алексей был настроен действовать в соответствии с реалиями того времени. Могучий Союз, все больше и больше кренился к бездне, съедаемый тлей капиталистического будущего. Дома, улицы, города и республики великой страны отдалялись друг от друга с неумолимой монотонностью часового механизма.

Он решил, что Мамой его будущего должна стать – Одесса, и преисполненный новым родственным чувством устремился к ней, так как может стремиться только верный зову крови – сын.

Глава 2

«Тебе со мной
И мне с тобой
Здесь, в порту, интересно бы встретится»
Л. Утесов.

Алексей с выбором направления определился еще на 3 курсе строительного техникума. Когда, в компании со своими сокурсниками – Юрой и Костей, летал в Одессу на пиво. Да, именно первоочередная цель была посетить легендарный «Гамбринус». Доступность и скорость Советских авиалиний стали решающими в выборе транспортного приоритета и уже через пару часов, из Ту-134 совершившего посадку в Одесском аэропорту, компания ступила на землю давшую миру рыбачку Соню и маршала Малиновского. С тридцатью советскими рублями на троих, парни довольно комфортно провели пару дней в Одессе. Цели были достигнуты все, ну или почти все. Гостиница «Спартак», напротив пивбара «Гамбринус», ресторан «Украина», Одесский морвокзал, прогулка на катере по заливу и конечно же подсчет ступенек на Потемкинской лестнице.

Перспективы Одесских горизонтов, осязаемые прямо из Аркадиевского пляжа, не оставили ни единого шанса новомосковскому сценарию в дальнейшей судьбе Алексея.

Море, красота южного города, «Гамбринус» и координаты приемной комиссии Водного института стали основанием для построения планов на будущее.

Обязательную отработку на объектах строительной отрасли, по окончании учебного заведения отменили как раз в этом году. Можно было подавать документы сразу в любой ВУЗ. Выбор Алексея пал на – Одесский институт инженеров морского флота, проще «Одесский Водный», как все его называли. Гидротехнический факультет, который еще обозначали, как факультет морского строительства. Все сходилось: строительный техникум – водный – море – Одесса. Юра и Костя, те самые парни, с которыми он закончил один техникум то же выражали такое желание, но все ограничилось только разговорами. Алексей не стал долго раздумывать. Собрал необходимые документы, получил согласие родителей, и со станции Днепропетровск-Южный двинулся в путь. С вокзала в Одессе, прямо на улицу Мечникова, 34. Несколько сигарет в скверике перед учебным корпусом, заход в приемную комиссию и ... «Вперед, баки твоего самолета залиты топливом только в одну сторону, парашюта и запасного аэродрома у тебя нет, есть шансы выжить, только добравшись до цели, – гордо чеканила память, опираясь на недавно прочитанный рассказ о военных японских летчиках». Психологические настройки доктора Сытина, которые Алексей практиковал уже полгода, включались автоматически, без предупреждения.

– У нас здесь учились Карцев и Жванецкий, – с гордостью говорила пожилая женщина из приемной комиссии, просматривая документы Алексея. Эта фраза была видимо обязательной для «всяк входящего», при поступлении.

– Мне на гидротехнический факультет, – говорил Алексей.

– На мехпортах они учились, – уже себе повторяла женщина, – на мехпортах, – а отработка где?

– С этого года отменили, – ответил Алексей, – есть постановление, к лету видимо всем разошлют, я ж к Вам чуть раньше подаю документы, на подготовительное отделение.

– Хорошо, проверим, а сейчас в 20-й, кабинет подойдите, возьмите справку на временное проживание в общежитии.

В интерьере учебного корпуса была специальная доска, на которой изображалась славная история «Одесского Водного». Там Алексей и увидел подтверждение слов дамы из приемной комиссии. Легенды Одессы – Роман Карцев и Михаил Жванецкий действительно в свое время закончили этот ВУЗ, по специальности «Механизация портов».

Алексей был зачислен на подготовительное отделение при Водном институте и получил право на проживание в общежитии по ул. Фрунзе. Здесь его подсадили в комнату к второкурсникам Юре из Кривого Рога и Коле из Винницы, ребята делили один блок с темнокожим студентом из Камеруна Сириллом, который жил один. Юра его называл – «Наш». Он такое обращение к Сириллу объяснялось историей связанной с прохождением Чемпионата мира по футболу в Италии, 1990г. Советская сборная, после драматических проигрышей и судейских ошибок выбыла из соревнований, и все советские болельщики переключились на команду из Камеруна, и на то были веские основания, африканцев тренировал футбольный специалист из России – Валерий Непомнящий. Камерунцы показывали потрясающие результаты, обыграли Аргентину и Колумбию, прошли до 1\4 финала и были остановлены только «тремя львами» Английской сборной. Благодарный советский болельщик сразу принял гордых камерунцев как своих и назвал их просто – «Наши!». Сирилл у Юры, как у заядлого болельщика, видимо вызывал подобные чувства. Сам «Наш» камерунец, ничего не имел против. Футбол он любил, но предпочитал вечерами со своими, такими же, как он черными и в дредах парнями, бросать баскетбольный мяч. В то лето, имена футболистов из сборной Камеруна, таких как «Старый колдун» – Роже Милла, Ндхоно и Маканаки, упоминали так же часто, как и имена Диего Марадонны и Александра Заварова.

Сирилл был на пару лет старше, от своих коллег по блоку. Чуть обособленно держался, как и все иностранцы и больше времени проводил со своими земляками.

В строительном техникуме, который закончил Алексей, не было иностранцев, только студенты с союзных республик, а уж тем более о темнокожих африканцах не было и речи. Раззнакомившись ближе с Сириллом, он увидел, что все эти вязаные шапочки летом, пестрые кроссовки, длинные футболки на выпуск, встречающиеся в клипах у МС Хаммера и Бобби Брауна не выдумка поп индустрии, а обычный быт черных парней. «Наш» Сирилл был типичный представитель своей субкультуры.

Огромному Юре, с черной шевелюрой и громовым голосом, винницкий Коля был полной противоположностью. Худой и высокий, он тихо и мало говорил. Юра мог с бокалом пива часами рассуждать о футболе и французских романах Оноре, так он называл Бальзака, в то время как Коля просто молча его слушал и курил. Только иногда, выдыхая дым, проговаривал: «Ну! Ты, Юра...». На самом деле у Юры было что-то бальзаковское, от широты мысли до размера бокала, который он часто просто забывал брать, предпочитая просто винную бутылку в руках. Не говоря уже о внешнем, почти портретном сходстве. Алексей в их компанию влился очень быстро и во всех смыслах. Пиво из бочки, той, что стояла в Дюковском, сменялось портвейном «777», а кассета с записью Бориса Гребенщиковым следовала за кассетой с «Айрон Мейден», и май 1990 года переходил в июнь.

Но, 30 мая привычный график студенческой жизни был нарушен на несколько дней. Одессу среди бела дня посетило самое настоящее землетрясение. Алексей стоял у окна своей комнаты на восьмом этаже, равномерно раскачиваясь со ступней на пятки. Потом уперся в подоконник руками и понял, что раскачивание он не прекратил, если точнее, что что-то его качает и дальше. Ощущение, которое его посетило в тот момент, с чем-то сравнить было не возможно, по причине отсутствия подобного. Пол под ногами в комнате общежития зашатался как в вагоне поезда, который переходит с одного пути на другой. Алексей инстинктивно присел, толчки повторились. Взгляд в сторону дверного проема и стремительный прыжок в его сторону. Он замер в проеме. Память сразу отчеканила уроки по сейсмокаротажу из техникумовского курса: если вы оказались при землетрясении в высотном здании, помните, что самое

опасное место это лестничные марши и межэтажные площадки, постарайтесь занять ближайший дверной проем. В коридоре уже слышался топот и женские крики. Молодежь во все ноги покидала здание общежития. Алексей со своего проема пытался как-то образумить бегущих, но тщетно. Страх и паника делали свое. Только одна особь женского пола остановилась ненадолго рядом, да и та потом устремила к земле с удвоенной энергией. Толчки закончились. Алексей спокойно пошел в комнату, собрал свои документы, закрыл блок и по пустым лестницам спустился в низ. Соседей по блоку и комнате не было в здании. Уличный шум и гам выбежавших студентов успокаивал комендант. Люди стояли прямо на проезжей части. Автомобили по Фрунзе остановили движение. Он посмотрел на противоположную сторону улицы. Там напротив добротной кирпичной четырнадцатизэтажки общежития, в ряд стояли панельные девятиэтажки жилых домов, так же спокойно и ровно, как и до землетрясения. «Это радует, – подумал Алексей, – по всем законам строительства, при катаклизмах такого типа они складываются в первую очередь». Народ бурлил и строил все новые версии происходящего. Пришла информация от руководства, что повторные толчки могут быть этой ночью.

Рассматривая пеструю толпу студентов на улице, особенно были интересны девушки без подготовки к землетрясению, он опять вспомнил то особое интуитивное чувство, которое посетило его у окна на восьмом этаже. Все действия, предпринятые им в тот момент, имели четкую направленность из глубины его существа. Он не думал, он знал. В сторону от его действий стали страх и паника, желание поддаться общему психозу и рефлексия от ситуации вообще. Вот и сейчас на улице он был спокоен, только внешние факторы оказывали определенное воздействие на его психику.

Прибыли к общежитию Юра и Коля, пошли расспросы. Ситуация с ночевкой оставалась не ясной. Предлагались варианты: идти прямо сейчас в Дюковский парк, через пивную бочку конечно, отправить десант за матрасами в общежитие и ночевать прямо здесь, у дороги, и просто забыть об этом и возвращаться по комнатам. К вечеру многие уже поднялись на этажи, кто-то отправился по знакомым, в менее высотные здания, остальные же расположились небольшими компаниями вокруг корпуса общежития. Стемнело, пошли костры и гитары. Зазвучали голоса вдоль по Фрунзе, исполняя «Скованные одной цепью» и классический «Поворот» Макаревича. Алексей с Колей поднялись по Матросскому спуску, в магазин на Манежной улице, где продавался крепкий напиток «Свитязь». Как говорил Юра, когда принес его первый раз, в день поселения Алексея: «Страшная вещь, аки 38 – ми градусов и с сахаром». Уже на лестнице ребята встретили Тараса, студента третьего курса, тот скучал и с радостью принял приглашение, присоединится. Повторные толчки обещали к полуночи, и у компании было еще несколько часов до принятия решения, где ночевать. «Наш» камерунец Сирилл, в блоке так и не появился.

Разговор пошел сразу в направлении воспоминаний. Наверное, такое бывает с людьми перед очередным землетрясением. Коля рассказывал о Виннице, о том, что у них леса больше чем воды и вообще его выбор – это выбор его родителей в сторону тетки в Одессе. Жившие с Колей студенты тоже, это все чувствовали, особенно когда эта радушная женщина снабжала их закрутками и выпечкой. Колю все максимально бодрили и поддерживали выбор его родителей. Юра принимал решение сам, сказал, что романтика Одессы, моря и юга с детства была с ним и все такое. И вообще, в Кривом Рогу, откуда он родом, дышать уже нечем, потому он худел и терял потенциал. Здесь же в Одессе, есть все для жизни такого человека как он. Все верили, так как видели перед собой доброго великана с бальзаковскими нотками в общении и питии. О его отношениях с Людмилой, студенткой параллельного курса, так же уроженкой Кривого Рога, упоминать было позволено, только с согласия Юрия. Их роман на первом курсе, гремел по общежитию и за его пределами. На втором настала полоса, о которой сам Юрий говорил кратко: «Я бдю!». «Оноре», как его за глаза называли студенты, нервничал в двух случаях: когда после вечера в компании «Свитязя» и таких же потенциальных парней как он, ему

предстоял разговор с Людмилой, и когда фразу – «жительница Кривого Рога», пытались уместить в одно слово. Тарас, круглолицый рыжий парень с доброй улыбкой и детскими глазами, вспоминал как ему давал на консультациях обещания сам зав. кафедрой, что по окончании, нет даже раньше, он поедет строить порт в Бомбее, а потом уволился и пропал. И Тарас уже и сам к третьему курсу точно не помнил, где он должен был строить порт, в Бомбее или все-таки в Мадрасе. Сильно переживать не стал, просто учился и все, приговаривая: «Та у них там тоже всё поминалось, даже по иному тепер вси называются». Коренастый полтавчанин душевно рассказывал, открыто улыбался и много пил. Алексею было, что поведать своим товарищам, да и рассказчик он был знатный, особенно в коллективе под единое настроение. Учеба в Днепропетровске для него началась с пятнадцати лет, сразу после окончания восьмилетней школы. Они вчетвером, все одноклассники, поехали поступать в ДСТ (Днепропетровский Строительный техникум). Поступили, но закончили только двое, он и Андрей, его друг с соседнего района, в Новомосковске. Общежитие при техникуме и квартира товарища Бобы, Жени Бабая, одноклассника, родители которого работали на севере, были вторым, параллельным образованием взростающего молодого человека. «Там отдельный сказ и отдельных строк писание, – любил он повторять широко раскрытым глазам девушек, при новых знакомствах». Разница в курсах совсем не ощущалась, по социально-бытовым параметрам Алексей был даже опытнее своих товарищей из «Водного». Он говорил правду о Новомосковске, с юмором, мол, у местных есть свое название для городишки – «Дурпоселок». Говорил правду о мотивах при выборе Одессы, как города-полигона для своих дальнейших действий. Рассказывал в красках, с эффектом присутствия, о вечеринках «у Бобы» и первых свиданиях под грохот АС\ДС, с двумя сестрами одновременно. О полете на пиво в «Гамбринус» и дальнейшей одесской эпопее. Все смеялись и слушали. Только Коля периодически после глотка «Свитязя», повторял свое неизменное: «Ну! Ты Леха...».

Но что-то большее чувствовалось в умении Алексея общаться, в его умении преподать информацию, внимательно слушать и вовремя поддержать разговор. Он мог перейти от откровенных хохм к серьезной теме, интересно и вовремя, ребята чувствовали в нем остав человека, который может быть один и принимать взвешенные решения. Это притягивало, и его делало своим в коллективе. С Алексеем было интересно и легко.

Ближе к полуночи, Юра начал прятать под кровать пустые бутылки, называя их при этом «слабохарактерными», Коля отковырял очередную консерву, компания дружно закурила, нужно было принимать решение по землетрясению. Идти или не идти на улицу, спать или не спать, здесь или там... Выбрали не идти на улицу и не спать – здесь! Под общежитием святающиеся кучки продолжали свою ночную жизнь. Все как-то успокоилось. Говорят, толчки все-таки были, очень слабые, но наша компания при всем желании их бы все равно не почувствовала. Все спали крепким хмельным сном, предусмотрительно не сняв одежду и обувь.

На следующий день, ближе к обеду, Алексей, Юра и Коля спустились вниз на первый этаж, в столовую общежития. Был четверг – рыбный день. В студенческой столовой, следуя заветам Анастаса Микояна, еще с 1932 г., свято соблюдали это правило. Правда к девяностым годам, из общепита уже пропали лосось и ставридка, и вместо них кашу и пюрешку сопровождали консервированный минтай или бычки в томате. Иногда было вообще все просто – гарнир политый «соком консервы», как шутили студенты. Рыбный суп, сосиска в тесте, компот все это – было самое то. Тема землетрясения доминировала во всех разговорах. По настроениям обедающих, ребята поняли, что к счастью в Одессе все обошлось без разрушений и жертв.

Мудрые говорят, что жизнь может водить рядом двух людей десятками лет, и только в тот момент, когда семейный пазл сойдется на небесах, сведет их две родственные души, в нужный час и в нужном месте. В то же самое время, когда Алексей посещал подготовительные курсы, завтракал и ужинал в студенческой столовой, «громил» в беседах с товарищами авторитеты Кастанеды и Виктора Суворова, на работу, в ту же студенческую столовую Одесского водного

приходила молодая, невысокая шатенка, с красивой улыбкой и высокой грудью. Девушка работала в цеху готовой продукции и делала, так любимую всеми студентами – сосиску в тесте. Именно в тот четверг, после неравной схватки с природой и «Свитязем», Алексей и ел приготовленную нею сосиску. Звали помощницу повара – Елена. Ни разу, за почти три месяца его проживания в общежитии они так и не пересеклись. И только через пять лет, им суждено было увидеться, что бы больше не расставаться никогда. «Небесный пазл» сложился сразу при встрече, с первого взгляда и на всегда. А пока, в орбите его жизни постоянными спутниками были не всегда трезвые тела Коли и Юры, и еще ряд личностей беспокойного студенческого братства.

Одесса, трамвай «пятерочка», Аркадия и море. Это самый известный и популярный маршрут у приезжих, студентов и просто желающих попасть к морю. Июнь уже накалял город, тополя своим пухом покрыли улицы, одежда одесских граждан и гражданок становилась легче и прозрачней. По выражению Алексея, охота было: «встречаться, встречаться и еще раз встречаться». Пивные посиделки с трехлитровыми банками в Дюковском парке уступали место пляжному сезону на ближайшие три месяца точно.

Глава 3

«На морском песочке Я Марусю встретил,
В розовых чулочках, талия в корсете».
к\ф Свадьба в Малиновке.

Штахетины от деревянного топчана, которые были общедоступны в то время на пляже в Аркадии, давили на все кости, как спереди, так и сзади. Переворачиваясь, приходилось еще и отжиматься на руках, с целью как можно мягче встать с положения – на животе, и переместится в положение – на спине. У Алексея, уже в то время начали возникать первые мысленные вязи, помогавшие ему характеризовать те, или иные события в его жизни. Блокнотик с карандашом, помещавшийся во внутренний карман, был с ним практически все время. Ситуацию с топчаном он отметил как: «Деревянная стабильность или топчаны «forever». Подготовительные курсы в «Водном» были три раза в неделю, во второй половине дня. Время на посещения пляжа было. Так как у его товарищей был другой график, он сам с удовольствием посещал море в Аркадии. В тот день, после пешей прогулки по городу, сняв с себя белую рубашку и строгие брюки, он с удовольствием опустился на гостеприимный топчан. Пачка плоских картофельных чипсов, как вариант обеда, была хорошим подспорьем уже не первый раз. Хрустя соленоватыми пластинками, он рассматривал окружающих его пляжников. Людей было еще не много, будний день и только самое начало лета, вносили свои коррективы в наполнение топчаных рядов. Переводя взгляд, с сине-пенной глади моря к желтой отмели песка, он увидел символическое изображение подмигивающего лица, на коричневой летней кепочке. Кепочка покрывала копну светлых волос. Дальше, за кепочкой с волосами, просматривались два «холмика» покрытые купальными плавками красного цвета, лодыжки и чуть ниже вместе сложенные пяточки. Позиция дамы была – к топчану передом. Для полной оценки ситуации, пришлось даже приподняться на локтях. Кепочка, светлый волос короткой прически, тугая красная полоска бюстгалтера, крепко перетягивающая еще практически не загоревшую спину и далее те же два «холмика», под красными плавками. Вид загорающей женщины буквально в пяти метрах от него, определенно притягивал взгляд. Ожидание оказалось не долгим. Девушка, так же медленно приподнялась над топчаном, покрытым полотенцем и взгляду Алексея предстало то, что заставило его утвердительно подумать про себя: «Ей там точно не давит!». То место, где ей не должно было давить, так же покрытое красной материей сделало оборот в 180 градусов и красиво расположилось в виде двух «холмиков» только уже ближе к кепочке. Всего остального Алексей не рассмотрел. Кратчайший путь к морю проходил точно через расположение кепочки и «холмиков». Пора было идти купаться. По дороге к стихии он боковым зрением все рассмотрел. Определенная свежесть июньского моря не стала помехой для продолжительного заплыва.

После знакомства с Черным морем, речной отдых, как на родной Самаре, так и на широком Днепре, казались просто детством в песочнице. Море, всегда такое разное, притягивающее действовало на Алексея. Весенний шторм и ветер, радовали мощными порывами, летняя ласка теплой воды и солнца, уводили в состояние эйфории и полного расслабления. Время, проведенное при морских рассветах и закатах, и вовсе воспринималось как совершенно отдельное измерение.

Выйдя из воды, он наблюдал картину уходящей девушки в легкой пляжной накидке пестрого цвета, с сумкой в одной руке и коричневой кепочкой в компании с босоножками, в другой. Теплый ветер растрепал светлые волосы, шаги ее были легкими и немного уставшими. Далее трамвай «пятерочка», Староконный рынок, спуск на улицу Фрунзе, компания Коли Юры и Сириллы.

Иностранным студентам, от представительств их стран в Одессе, периодически приходили посылки с вещами и продуктами. «Наш» Сирилл не был исключением. Пакеты с сухофруктами, соусы, банки, сигареты. Все это было очень другое. Когда на блоке появлялись разноцветные коробки, его соседи знали, что у камерунца сегодня прибыло. Про него так и говорили: «Сирилл живет из коробки». Дело в том, что советским студентам не было чуждым готовить себе еду. Жареная картошка, супы на электрической печке и даже разогретая тушенка, все это требовало кухонной суеты. В то время как иностранцы просто что-то заливали кипятком, открывали мудреные банки и запивали все это разведенным в холодной воде порошком. Решение перевести Сирилла на «здоровый образ жизни», пришло после идеи, выйти с содержимым его посылок в субботу на «блошиный рынок». Вокруг Староконного базара в то время стихийно формировались торговые площадки прямо на асфальте. Владелец подстилки и заграничных брендов становился автоматически торговцем. Расстояние от общежития до рынка занимало не более пятнадцати минут спокойной ходьбы.

Алексей так же, как и его сотоварищи испытывал постоянные денежные затруднения. Скучных денежных переводов из дома раз в неделю, которые он получал на почте, хватало только на пропитание в дешевой студенческой столовой, на трамвайные билеты и различные мелкие ходовые расходы по учебе. Но он умел расставить приоритеты в расходах, прекрасно понимая, что его родители делают все, что в их силах и не требовал большего. Учась еще в Днепропетровске, они с товарищами по общежитию периодически подрабатывали на местном Пивзаводе. Обычно, это была ночная разгрузка деревянных паллет из вагона. Платили за количество выгруженных, и правильно сложенных изделий на складской площадке. Но, была одна проблема. Паллетта габаритная и прилично весила. Вдвоем ее перемещать было просто, а вот одному намного сложнее. Когда приходили втроем, больше зарабатывали, но и дольше разгружали. А когда вчетвером, то время проходило быстрее, но и доходы падали. Но в любом случае, денежное подспорье было и не только. После смены, труженики могли с собой унести пива столько сколько смогут. Огромный кран прямо на улице, из которого наполнялись пивные бочки и цистерны, открывался специальным ключом, доступ к которому, ребята получали под утро. Мастер после подсчета сложенных паллет, торжественно приглашал их к крану. Один виток ключа, и за несколько секунд можно было наполнить целое ведро. Зимой, под краном образовывалась жуткая пивная гололедица, проблемы с которой решались рядом стоящим ломом. Вопрос был в таре. Эпоха пластика еще не наступила, а стеклянные трехлитровки оставались дефицитом. С ведрами пива утром, по двум троллейбусным маршрутам, когда сознательные граждане только едут на свои рабочие места, тоже как то выглядело не очень. Выход был найден. Как пример, вход пошла обычная медицинская грелка. После шуток, пришли к выводу, что небольшой объем той же грелки, при сохранении ее эластичных свойств можно компенсировать, создав «бурдюк» из целлофановых пакетов, сложенных друг в друга. За идею, воплощение и доставку без потерь первого «бурдюка» с пивом в общежитие, студент Половенко получил почетный титул – «Целлофаниус».

В Одессе же, дополнительным источником дохода у Алексея и компании, стал субботне-воскресный торг продукцией из коробок Сирилла. За пару выходных распродавался блок ментоловых сигарет, при желании клиента, открывали даже пачку и торговали поштучно. Продавался весь шоколад и несколько пачек мюслей, банки с соусами и сухие смеси для разбавления водой. На рынке были по двое. Лучше всего получалось торговать у Коли с Алексеем, Юра был излишне эмоционален, нетерпелив и страдал от жары. При возникновении дефицита можно было быстро кому-то сбегать в общежитие и восполнить вакуум. Сирилл, получал свою треть от продаж плюс безлимитный доступ к пиву, на совместных ужинах. Африканцы в то время еще сами не были так активны на рынках Одессы, как во второй половине 90-х.

Придя в следующий раз на пляж в Аркадии, в такой же будний понедельник, Алексей начал уже намеренно рассматривать отдыхающих с целью обнаружения красных «холми-

ков». Все оказалось практически на том же месте, и кепочка и «холмики». Заняв более ближний топчан к цели своих наблюдений, он быстро снял шорты, футболку и сразу устремился к морю. Проход рядом с «холмистым топчаном», незаметный взгляд, как ему казалось, в сторону девушки и вот уже теплое море приняло его в свои объятия. Выходя из воды, он увидел, как два больших затемненных глаза солнцезащитных очков смотрят в его сторону. Над очками была та же кепочка с улыбочкой, под очками из красивых полных губ мягко выходил приятного цвета голубой дымок. Правую ногу девушка поджала к груди, особенно обозначив крутой изгиб бедра. Алексею сразу вспомнилась фраза его техникумовского товарища Кости: «Они в очках по ходу, все красивые!» Обычно тот так говорил, когда они на днепровских пляжах, еще в бытность учебы в Днепропетровске рассматривали девченок. Иллюзий, по производимому эффекту от своего мокрого тела на окружающих, он не питал. Худощавый, еще не успевший загореть с прилипшими ко лбу волосами, он не был «глянцевым героем» точно. Алексей прошел рядом с ней, так чуть в развалку, при этом уверенно посмотрев ей прямо в очки. Остановился у своего пляжного места, протер полотенцем лицо и то же достал сигарету. Это должно было стать продолжением полной естественности его поведения. Будто дождавшись своей очереди, фигура в красном купальнике приподнялась со своего места. Наклонившись вперед, ненадолго замерла, снимая очки и кепочку. Дальнейший ее проход к морю, позволил Алексею сделать еще более полные анатомические выводы о наблюдаемой ним персоне. Следующие 5—7 минут своего нахождения на пляже, он наблюдал светлую голову девушки, курсирующую до пирса и обратно. Выход из воды. Ассоциация за ассоциацией и только потом черты лица. До тридцати, светло-карие глаза, немного полноваты бока, но спорт был однозначно. Фигура девушки, занимавшейся спортом с детства, имеет очень долгую память. Дальше она просто занималась пляжными процедурами. Курила, читала книгу и потом ушла, так же накинув на себя пеструю накидку. Ушла, и все.

У Алексея возникло чувство, что он прожил день зря и где-то его обманули. Такое ощущение ему было уже знакомо. Он знал его корни. Еще задолго до последних пляжных наблюдений, он понял этот эффект определенно. Есть большая разница: между тем как я хочу, и как есть на самом деле. Вызываемые эмоции, от совмещения внутренних высказывающих картинок с внешней реальной картиной, могут быть совершенно разными и, как правило, вступают в конфликт. Вот эта полярная несовместимость и вызывала опустошение, чувство некоторого разочарования, от того что не все так, как ты того хотел бы. Понимаешь – значит, контролируешь, утвердился он, мало ли что себе самому нарисуешь. Жаркий день сменился еще очень даже комфортным июньским вечером.

У ЖД вокзала, точнее напротив него, в начале ул. Пушкинской в полуподвальном помещении, располагалось небольшое кафе. Еще полностью советское кафе. С русскими пельменями в меню и молочным коктейлем. Там Алексей, при случае всегда себя баловал напитком из молока и сахара. Этот раз то же не был исключением, допив свой коктейль и на ходу распечатывая пачку «Дойны», он двинулся вперед по Пушкинской улице в сторону центра. Ходить пешком, со своими мыслями наедине, ему всегда доставляло больше удовольствие, чем езда в душных городских транспортных средствах. Пройдя буквально пару кварталов и еще не успев докурить свою сигарету, он увидел перед собой фигуру женщины в фирменной униформе барменши песочного цвета. Та поправляла напольную вертикальную табличку с надписью «Маккаби». Ошибки быть не могло. Аркадиевская незнакомка была в двух метрах перед ним, только без кепочки и с закрытыми «холмиками». Коротко взглянув на Алексея, она проследовала по ступенькам вниз. Пришло время пить кофе в баре «Маккаби». Столик, чуть в углублении зала небольшого кафе оказался не занят. Алексей присел, посмотрел за стойку бара. Там суежилась его пляжная знакомая, в песочной униформе с фирменным логотипом на груди. Потом он поднялся и сам подошел к стойке.

– Здравствуйте, сделайте кофе, пожалуйста, – сказал он, занимая выжидательную позицию у бара.

– Здравствуйте, конечно, присядьте я принесу, Вам заварной или растворимый? – вежливо ответила барменша.

– Заварной. Спасибо, Алина, – сказал он, перед этим прочитав ее имя на бейджике.

Ответом была короткая улыбка девушки. Полные губы с яркой помадой оставались на сетчатке глаза Алексея, до его прихода к столику обратно.

Помещение бара покинула молодая парочка студентов, поблагодарив жестом хозяйку. Помимо Алексея, в заведении остались еще пара мужчин, за соседним столом. Близость расположения позволяла слушать их негромкий разговор. Они были примерно одного возраста. За пятьдесят обоим. Первый, как Алексей понял – провожающий, с красным видимо «перегретым», после вчерашнего лицом все норовил узнать, как его гостю одесситки. Второй, худой и с тонкими усиками высокопарно, но по-свойски ему отвечал: «Да ну их нахрен этих хун, после них только ходишь и в конец заглядываешь». Худой, как стало件нятно чуть позже, покидал Одессу, после командировки. «Перегретый», посмеялся и потом значительно обмяк после большого глотка коньяку. Стол соседей величественно украшал уже полупустой графинчик и блюдо с лимонными дольками. Что-то из манеры общаться худого, Алексею подсказало, что причина его категоричности к дамам совсем в другом. Ему видимо не только с «одесситками» не светило, да и вообще со случайными связями было не очень. Скорее женщинам потом, самим себе было тяжело объяснять командировочные романы с такими летунами как он. Лысина, усики, шляпка бюрократа и манеры приказчика из гоголевских рассказов. Параллельно невольному слушанию, Алексей рассматривал барное помещение. Какие-то кубки, спортивные ленточки, изображения легкоатлетов и футболистов, кругом надписи чуть ли не иероглифами.

– Динамо, по-нашему.– Услышал он голос Алины.

– Киев или Тбилиси? – сразу нашелся тот, отводя глаза от радостного футболиста на плакате.

– Хайфа, Израиль. Спортивное общество «Маккаби», типа наших «Динамо», – продолжила девушка, ставя перед Алексеем кофе.

Под униформой на ней был полупрозрачный топик синего цвета, с короткими рукавами. Содержимое под тонкой тканью притягивало взгляд на генетическом уровне.

– Спасибо, я понял, «Торпедо», тоже, наверное... – с открытой улыбкой ответил он.

Алина проследовала за стойку. Туда подошли еще люди. «Ага, „Торпедо“ из серии – большому кораблю – большая... – себя поймал Алексей на мысли».

Почему-то, в подобных ситуациях, память Алексею всегда пыталась вставить в его ряд мыслей, свой готовый чек из прошлых воспоминаний. Вот и сейчас. Потом ему вспомнился разговор двух деревенских ловеласов, когда они еще мальчишками сидели у костра в деревне и слушали их перлы. Один делился своим опытом после посещения дискотеки в клубе: «Вона мэни сказала, шо тут навить и помацать нэ будэ». Тем самым объясняя свою недоступность как деревенской красавицы, для него. Вот, что-то такое Алексей почувствовал и сейчас, когда Алина к нему наклонилась, аккуратно ставя кофе. Второй же рассказывал о своих чувствах, но уже в кинотеатре: «Вона так прычесалась, шоу мэнэ аж встав». Здесь, имелось в виду свидание, второго с девушкой, на сеансе индийского кино.

Весь это амурный венигрет прервался, когда Алексей интуитивно подняв глаза, перехватил ее взгляд. Тогда, то самое, «необъяснимое и основное», особое внутреннее чувство утвердительно ему сказала: «У тебя с ней будет – Это». Сомнения, посеянные деревенскими ловеласами, были отброшены в сторону. Дух самого Бенвенуто Челини, воспоминания которого он сейчас читал, повел его в сторону девушки-бармена.

– А почему ты вчера не был в Аркадии? – не дав ему ничего сказать, спросила Алина.

– Алексей, – проговорил он медленно, – меня зовут Алексей, – и продолжил с улыбкой, – тот, который не считал себя заметным на пляже, до встречи с такой девушкой как ты. Спасибо за новые грани.

Ответом стала короткая улыбка от Алины, но уже с участием уголков глаз.

Обращение на – «ты», спокойный тон, переводило их общение в самое желанное для Алексея русло.

– Алина, – ответила она, и показывая взглядом туда где, находился бейджик, продолжила, – Женщина видит все, особенно на пляже...

Интригуяще посмотрела на него. «Так, смотрят при – „Этом“, промелькнуло у него в голове». Память и дальше продолжала делать свои готовые вбросы.

Алексей действительно не был на пляже. Нужно было посетить приемную комиссию, скоро начинались экзамены.

– Не всегда получается, но я сегодня точно не в накладе, за вчерашний прогул, – уверенно говорил он. – Такие переходы мне даже больше по душе.

Алина, перемещаясь за стойкой бара, посматривала на Алексея.

– Как тебе кофе? Сюда его везут прямо из Хайфы.

– Этот кофе прекрасен, только благодаря его подавшей, – приступил к комплементарам Алексей.

Ответом была фирменная, но уже более длительная улыбка.

– Ты здесь посменно? – продолжил он.

– Да, завтра выходной.

Тогда он, не меняя доверительный тон и видя, что сейчас ее отвлекут посетители, продолжил заготовленной фразой:

– Если у меня появится время и возможности и тебя будет желание?

При этом, как он знал из различных пособий, нужно было визуально представить, будто ты ее держишь за обе руки ниже локтей.

Мягкий длинный взгляд в ответ.

– А, можно узнать твой график?

– Всегда! Как говорил классик, – открыто засмеявшись, ответил Алексей.

Расстояние до общезнания было преодолено быстро и незаметно. Давно подмечено, что любовь окрыляет, но в ситуации с Алексеем был еще более окрыляющий фактор, чем просто лирическое переживание. Он сегодня, в десять вечера, встречал Алину после смены.

Четыре украинских и два камерунских глаза, редко мигая, молча слушали сказ Алексея. Коля начал измерять комнату шагами, приговаривая: «Ну! Ты Леха...» Потом Юра, на правах человека, у которого тоже был роман, хоть и в стадии «бдения», сказал: «Тут надо рублем добавить и желательно не пить до свидания». Так, Алексей стал подготовленной к встрече с Алиной на целых пять советских рублей. С одеждой надо было так же, что-то подумать. Все рубашки Алексея, носили одинаковый строгий характер. Футболку на свидание как-то не оденешь. Тогда Сирилл пошел к себе и через пару минут вышел с пестрой, желто-зеленой рубашкой. Алексею она напомнила пляжную накидку Алины. Сирилл заверил, что этот «бассаин» (национальная одежда камерунцев), не подведет, так как он уже был на подобных мероприятиях, именно в ней. Широкая и легкая вещь на выпуск, очень понравилась Алексею. Потом глажка брюк, через дырявую марлечку, старым, перемотанным во всех местах изолентой утюгом. И к половине десятого вечера все было готово. Сирилл брызнул на Алексея своей туалетной водой, сказав, что так будет надежней. Символически пожелав друг другу не видеться до следующего утра, компания попрощалась с Алексеем.

Цветы, запах Африки, за который Алина даже пару раз переспрашивала, искрометный юмор Алексея и открытые верхние «холмики» девушки под тонким платьем, уже через час остановили пару на Приморском бульваре, для первого длинного поцелуя.

Понятия «быстро» или «медленно» заканчиваются там, где встречаются те, кто давно не виделись, или те, кто просто очень ждали этой встречи.

– У-у, совсем «мелкий», – нежно с улыбкой протянула Алина, после признания Алексея о своем возрасте. После полуночи они сидели на балконе комнаты ее коммунальной квартире, допивали «Сангрию» и курили «Дойну». С третьего этажа дома была видна мирно спящая улица Ленина. Алина рассказала, что несколько лет назад закончила 26 – е специальное училище Морского туристического сервиса, собиралась в море, но вышла замуж в родном Белгороде, и осталась там. Потом развод, возвращение в Одессу, тетка предоставила ей возможность жить в своей квартире на Ленина и устроила в «Маккаби».

Хозяева бара были уже в Израиле, а тетка здесь в Одессе вела их дела.

Летняя ночь, одесские цикады и еще пару сигарет на балконе, набросив один халат на двоих, окончательно указали паре, что – сон, тоже важнейшее состояние для человека.

К утру, Алексею понравилось – Все!

Глава 4

«...предстоит учиться мне в университете».

Д. Тухманов.

Время первых вступительных экзаменов в Водном институте наступило во второй половине июня. Математика для Алексея, как для гуманитария по призванию, всегда была преградой номер один. Но все Высшие технические учебные заведения начинали свои экзамены именно с нее. Сказать так, что бы он готовился, так нет, этого не было. Понимал прекрасно, что за пару недель ничего в его знаниях по этому предмету ничего не изменится. Расчет был на что-то иное, на что-то такое, что поможет взять ему проходной бал.

Встречи с Алиной носили постоянный и яркий характер. Что такое ночь не спать в девятнадцать лет? Не вопрос. С подросткового возраста девушка была участницей цирковой студии. Там крылись секреты ее спортивной фигуры. Алина была эквилибристка. Подкурить сигарету с «мостика», колесом прикатится к кровати или с двумя чашками кофе в руках, элегантно ногой выключить свет за собой, для нее было почти естественно. Это возымело свое воздействие на самооценку Алексея, он увеличил количество отжиманий по утрам.

Юра, руководствуясь примером товарища, перестал нервничать, превзошел себя и нашел способы, помирится с Людмилой, чем несказанно всех обрадовал. Первая встреча у них прошла после примирения, как Вы думаете где? Правильно – в «Маккаби». По уже сложившейся традиции, все «поучаствовали рублем». Еще один раз поздно вечером, возле Алексея и Алины как бы невзначай, проходили рядом два молодых человека: один высокий худой, а второй черный как ночь африканец, максимально делая вид, что именно здесь они должны были пройти. Не обнаружить себя смехом Алексею стоило великих усилий. Алина к счастью ничего не заметила. Глобальный коллективный интерес был удовлетворен.

На первый экзамен по математике для подготовительной группы Алексей пришел без четкого плана. Здесь все было в руках фортуны. Знакомых в среде преподавателей и тех, кто бы мог замолвить словечко, не было. Преимущества от подготовительных курсов были только в том, что в случае неудачи, можно было еще раз сдавать экзамен, но уже в общем потоке. Взрослый преподаватель, с седым густым чубом и такими же густыми и седыми усами, сразу не понравился Алексею. Его излишне строгий взгляд, не предвещал ничего хорошего, человеку с таким знанием математики как у Алексея. Билет, третий ряд, место прямо напротив усача, и шесть! Шесть заданий! Какое там уравнение с неравенством, какие там детали и станки в задаче, корни и отрезки... И все же, включив весь свой потенциал Алексей, как потом выяснилось, отгадал задачу и одно уравнение, остальное было выше его сил. Любые попытки подключить соседей по аудитории, присекались усачем беспощадно. Результат – два бала.

После оглашения такого вердикта в расстроенную душу Алексея, приходили разные чувства. Все эмоциональные и одинаково печальные: «Какого?, Романтик-недоучка, а на что ты рассчитывал...»

В практическом же русле, мысль работала как сканер – что дальше? Куда и как? Был еще небольшой период для принятия дальнейших решений. Алексей уже интуитивно понимал, что с «Водным» у него что-то не так, и тут еще выяснилось, что в общий поток сдающие экзамены с подготовительным курсом, больше не допускаются.

Начинало потягивать духом Новомосковска и военкомата.

Друзья утешали и бодрили портвейном. Раз с Юрой и «Святязем», они засиделись до вечера за общезитием, на плитах. Потом Юра, по официальной версии пошел к Людмиле. Но это было не так, она его выпившего к себе не подпускала. К утру у Алексея к мыслям о будущем прибавилась еще и похмельная головная боль. В комнату зашел Юра, как-то странно

прихрамывая. Коля поинтересовался, чего это он. Юра был в смятении, он ничего не помнил. Конечно же, у Людмилы он не был. Сказал, что продолжил с пятикурсниками пивом, те писали сейчас дипломные работы, и потом все. Проснулся один на матрасе в пустой комнате на последнем этаже. Беспокоило его место сзади ниже пояса. То самое. Дело принимало уже другие обороты. В глазах у Юры больше преобладала тревога от неопределенности, чем от чувства боли. Версии вслух выдвигать не стали, хотя смех явно ни Коля, ни Алексей не сдерживали. Колино любимое: «Ну! Ты Юра...», звучало уже почти заботливо. В дверь блока громко постучали. Тревога в Юриных глазах сменилась нескрываемой паникой. Алексей открыл. В комнату ввалился качек-красавец Лесин. Пятикурсник из Феодосии. Он свой институтский путь достойно завершал написанием дипломной работы. Олег Лесин, за пять лет учебы стал местной легендой, прежде всего благодаря победам на конкурсах среди бодибилдеров, так же благодаря славе дамского угодника. Еще на втором курсе, до эпохальных успехов в качалке, Лесин как-то перебрал с горячительными напиткам, возвращался позже положенного времени в общежитие. Его у «вертушки» на проходной, встретила новая вахтерша. Слова и убеждения в том, что он здесь живет, а пропуск он где-то потерял, не помогли. Отчаянная бабушка стояла на своем. Не пушту и все. Тогда, громадный Лесин, скрутил несчастную «вертушку» и поставил ее в сторону. Бабка замерла. Он к ней наклонился и тихо произнес: «Тихо бабка я Шварцнеггер». Так в журнале посещений на проходной общежития появилась запись – «Ночью приходил Шварцнеггер и сломал инвентарь на месте вахтера». Говорят, этот журнал до сих пор есть, где то в архивах.

Перездоровавшись со всеми он повернулся к Юре, и не подавая ему руки участливо спросил:

– Ну как тебе?

– Что как? – из вытянувшегося лица переспросил Юра.

– Спалось как, «Оноре», – и заржав во все горло, продолжил, – ты ж вчера нас на крышу потащил, потом стихи Людмиле читал, еле обратно тебя отволокли. С ногами у тебя уже проблемы были, так мы тебя в пустом блоке на четырнадцатом оставили.

– Одного? – с надеждой переспросил Юра.

– Нет, с матрасом блин.

Дальше были подробности их ночных посиделок, и Юра начал успокаиваться. На источник беспокойства указал уже на следующий день доктор в студенческой поликлинике. Порекомендовав Юрию, не частить с портвейном и категорически избегать прикосновений к холодным плитам своим мягким местом. Дабы не приятная болезнь не стала для него хронической. Юра позже объяснил свои прошлые тревоги одной фразой: «Я уже думал, может вдул кто?».

Время шло и не в пользу Алексея. «С „Водным“ по ходу все, – думал он, – дальше физика, есть ли смысл вообще идти на экзамены». Обнадеживало то, что еще в других вузах продолжали принимать документы. Но куда? Везде одни и те же условия.

Алина бодрила: «Мелкий», не грузись, все будет «па тяге». Эту свою фразочку – «па тяге», она всегда употребляла, пребывая в пиковых стадиях своего впечатления от чего либо. У Алины получалось произносить ее «нежно-кошачьим» тоном, как сразу определила память Алексея. Так высшую оценку Алины – «Па тяге», уже заслужили при нем: концерт группы «Пинк Флойд» 1975г., мороженное с «Сангрией» на балконе, а так же то, что всегда происходило у них после того, как он заговорческим тоном говорил ей – «а, какие шансы у такого парня как я, с такой девушкой как ты?»

Виделись реже. Потом она уехала в Белгород, что-то по дому, причину не говорила, в баре работала ее сменщица. Как потом узнал Алексей, Алину еще тяготили различные неприятные заботы от неудачного брака.

В таких ситуациях, когда весь ход процесса, по созданию будущего, опирается в реальность, не желающую тебя пропускать дальше, все вокруг начинает проявляться, до уровня – как есть. «Одесса? Так ты здесь – чужой, – думал он, – здесь только общага, да временный

пропуск, сроком еще на две недели. Ребята прекрасны, как товарищи, но и у них свои заботы, сессия, потом каникулы. Работы и денег у тебя нет, так случайные заработки. Алина? Женщина 26 лет... в общем, это с ней ненадолго, „Мелкий“ – прикольно, но имеет пределы, ей нужно то же в море, и личную жизнь устраивать... Да, и мне это постоянство с продолжением в будущем ни к чему».

Рядом были другие учебные заведения. Высшая мореходка, там точно без шансов. Есть еще строительный институт, приоритет, типа продолжение обучения. Но уже не тянуло обратно на стройки. Свежи были еще в памяти техникумовские практики. Да и цели с желаниями оставались морскими. Водный институт конечно подходил идеально, но до экзамена по математике... Чуть дальше институт связи им. Попова, Алексей даже посещал его с желанием сдать документы, но там в приемной и слушать не захотели об этом без отработки. Пришлось ругаться, доказывать. Бесплезно. Алексей понял, что сваливается в элементарное желание не идти в армию. «Хоть бы куда, то же не выход, что дальше? – думал он.» Подолгу выхаживая, от заведения к заведению, он размышлял о своих дальнейших действиях. Внутри все остывало. И только, то «необъяснимое и основное» интуитивное чувство, говорило ему: «Это все только часть от общего, здесь нет расстояний, есть только сам путь». Когда он сбрасывал все негативные «настройки», одолевающие его из-за внешних неудач, становилось легко и спокойно, и от того «необъяснимого и основного», веяло приятным, чистым чувством покоя. Свои первые медитативные ощущения от разницы картинно – реального мира и истинно – причинного, он получил именно в этот период в Одессе.

Лежа на кровати в общежитии, Алексей листал свой «Незабывальник», как он его называл в противовес «Запоминальнику», названию блокнота своего старшего товарища Александра из Новомосковска. Того самого, за которого вышла замуж его подруга старшекурсница. В записной книжке были разные цитаты, мысли и его заметки. По ходу чтения различных книг или публикаций в журналах, у него возникали ассоциации и толкования, которые он привык записывать так, как ему это стало понятно. Вероятно, для Алексея это работало, как сутры для буддистов, оставаясь закрепителем некоего ментального потока.

Он вспомнил Александра. Познакомились они с ним через его родную сестру Свету. Светлана была старше Алексея на два года и компании у нее были соответственно, повзрослей. Сашка «Горилла», так все знали Александра, вернулся из Ленинграда, после неудачного года обучения в каком-то местном ПТУ. Для Новомосковска это был герой нашего времени. Высокий, чисто блондин, скуластое лицо и широкие плечи при внешней худости всего остального тела. Он первое время носил даже начес на манеру рокеров из панк-группы «АУ» или типа, как у Билли Идола. Немного несчастен и в меру порочен он производил магическое воздействие на провинциальных дам. Информированность о новом Ленинградском рок-клубе, рассказы о приключениях на Ладого, высокомерность и манерность столичного мажора, все это, выделяло его абсолютно. Конечно, пятнадцатилетнего Алексея не мог не увлечь такой авторитет. Тусить с Сашкой «Гориллой» было круто. Даже после поступления в техникум, по приезду в Новомосковск на выходные он всегда был у него. «Гориллой» Александра прозвали уже местные, за характерную манеру сутулиться. Первые квартирные концерты групп «Кино» и «Алиса», Алексей услышал именно у Сашки дома, со старого бабинного магнитофона. У него всегда были новые записи на бабиннах и свежие виниловые диски с новомосковской рок-тусовки. Девушки были готовы на все за возможность стать его подругой. Определенные наработки в общении с противоположным полом Алексей подчеркнул именно у него. «Горилла», уже через полгода в Новомосковске женился в первый раз. Через два месяца пара разошлась. Сам Александр постепенно терял свой столичный лоск. Самогон, общение с электротом провинциального городка и постоянные скандалы на всех работах, где он пытался устроиться, делали свое дело. Потом пришли и наркотики. С призывом в армию у него, по новомосковской традиции, так же не задалось. И ситуация здесь была серьезнее, чем у остальных

«косящих». Он не пошел в армию по конкретной статье 7б. Если точнее то, это тогда считалось как: «Умеренная шизофрения, с каким-то грибокком в организме, на почве наркомании». Шизиком, он конечно не был, но не видя выхода сам себе «нарисовал» этот диагноз. Самое простое, что он тогда сделал, так это после укола в вену руки какого-то «варева», зашел к врачу в военкомате, в рубашке с коротким рукавом.

Через пару лет, уже Алексей для «Гориллы» стал свежей волной. Днепропетровск хоть и был в двух часах езды от Новомосковска, но отличался разительно во всем. На третьем курсе Алексей уже был, не как «с Новомосковска». Сашка жил в свободном двухкомнатном флигеле сам, и там часто оставались с ночевкой как Алексей с подругами и иные пары без личной ночной жилплощади. Со своей Захирой Хамидуловной, той самой старшекурсницей, Алексей был у «Гориллы» несколько раз. Захира, сама была с Павлограда из приличной татарской семьи. С Алексеем они были вместе уже пару месяцев. Невысокая, круглолицая, обходительная. По окончании техникума она планировала выйти замуж, и Алексей был как вариант. Это он потом узнал. Но видимо острый ум татарской женщины понял, что Алексей совсем не спешит в брак, и решил действовать иначе. Впечатленная Сашкиными историями и его брутальными манерами столичного мачо, она приступила к созданию своего семейного счастья. Сама собой задурманенная Захира, призналась во всем Алексею, правда не сразу. Но ему было уже в принципе все равно. «Горилла» то же пришел, так «по пацанячи», мол, пойми чувства и типа все решено. Алексей не то чтобы расстроился, он просто их не понял и очень пожалел Захиру. Потом была свадьба, через месяц скандалы. Захира все чаще уезжала к родителям. И по остатку, говорят, местные видели, как приехал Хамидул и гонял Сашку по двору с криками: «Я с тэбэ как с барана, валуха сдэлаю». В общем, чисто Новомосковский сценарий.

От этого было грустно. Память опять подсовывала зарисовки из прошлого. Возвращаться не хотелось вообще.

В комнату быстро вошла груда мышц Лесина. Он сразу, даже не глядя на Колю, подошел с протянутой рукой к Алексею. Тот, вставая с кровати, поздоровался с ним.

- Привет, дай пару штук, – проговорил с «гагаринской» улыбкой Лесин.
- Дай чего? Привет, да, – чуть придя в себя, ответил Алексей.
- Пару «пиджачков», проверенных электроникой, которые, – пытался острить Лесин.

В то время презервативы гарантированно в общаге можно было стрелкнуть только у человека, который реальные имел отношения с противоположным полом. Работало как тест на наличие секса. Остальное так, разговоры «трех охотников на привале», одни зарисовки.

Факт подхода Лесина означал, что он в курсе отношений Алексея с Алиной. Как и откуда, какая разница. Это общежитие, свои правила. Алексей поднял со стула брюки и с заднего кармана достал один пакетик. Покрутил в руках и отдал Лесину.

- Есть только один, я сейчас «монашу», уже неделю, – сказал медленно Алексей.
- Трахатся хочу, на глаза не вижу, – не унимался Лесин.
- Очки вот уже есть, иди, прозревай, давай, – спокойно говорил Алексей, показывая на изделие.

Видимо радужное настроение Олега жестко уперлось в моральное состояние Алексея.

Даже ежик на голове Лесина, отъехал назад, так тот посерьезнел.

- А ты чего такой, все нормально?
- Да вот хочу Олег, начать то, что ты уже закончил, – протянул Алексей уже с улыбкой.
- Так какие вопросы, ко мне сегодня Стас с Феодосии приехал, с двоюродной сестрой

и с «моей Катей», ну ты понял, я сейчас иду к ней. Давай вечером к нам все уладим, я гарантирую, там сестричка то же, «по целям» приехала, – вернувшись в «гагаринское» состояние быстро проговорил Лесин.

У него в такие моменты все рецепторы, в виде одной заряженной двухстволки, были нацелены только на жертву его полового влечения.

– Олег, мне б где-то документы пристроить, время уже, здесь в «Водном» у меня пролет, – говорил со вздохом Алексей, – а, за предложение спасибо, поживем – увидим.

Лесин приложил свою гигантскую руку к плечу Алексея, доверительно заверив, что все у него получится. На выходе хлопнул Колю по торчащему из кровати колену, с окликом: «Николай, не спать!», и удалился за дверь.

Длинный, июльский день, заканчивался закатом на Слободке. На фоне, которого, как символ вечности для Алексея в этом общежитии, горел высокий газовый факел, какого-то нефтеперерабатывающего предприятия за городом. Факел горел всегда и его визуальное восприятие, уже не было центром для всего обзора. Так же, уже не вызывали такого слухового эффекта, проходящие за жилыми домами поезда. С восьмого этажа общежития они прекрасно просматривались. На таком поезде, почти два месяца назад, в Одессу приехал и Алексей. Сейчас их движение вызывало очень гнетущее чувство. Чувство проваленного дела, несбывшейся мечты и усталости от постоянной генерации себя к действию. Память подбрасывала алгоритм движения, но уже назад.

Коля задремал, Юра ушел к Людмиле на улице начало темнеть. Алексей вспомнил про приглашение Лесина. Посчитав, что средством индивидуальной защиты, половину презента он уже в компанию внес, проследовал на четвертый этаж к пятикурсникам. По дороге заглянул к Сириллу и обеспечив себя пачкой «блатных» сигарет «Данхил», двинулся дальше. Стас и Лесин его встретили возле лифта. Они возвращались в комнату обратно, после перезаключения «договора проживания» с вахтером. В то время, летом общежития использовались как гостиницы, в частном порядке, конечно. Олег представил Алексея и Стаса друг другу. Перезнакомившись, парни двинулись к блоку, где слышались женские голоса. Стас открыл дверь, облако дыма из комнаты встретило компанию. Создателями облака были три особы женского пола: Катя, феодосийская пассия Лесина, длинноволосая брюнетка с пятого курса Анна и сестра Стаса Ольга. Сам Стас, конечно, был не масштаба Олега, но что-то схожее в них все-таки было. Оба высокие, крепкие и совершенно-южные, как для себя отметил Алексей. Он уже трудился на военном заводе в Феодосии, так как раньше на несколько лет Лесина уехал из Одессы, не закончив здесь какой-то ВУЗ. Стас ближе к лету всегда навещал Олега в Одессе, заранее планируя свой отпуск. Сестра Ольга, была с ним в поездке первый раз. Грустного Алексея, посадили рядом с Ольгой. Перед тем, как выложить на стол пачку своих «блатных» сигарет, он, чуть наклонился к девушке и сказал: «С Вашего, позволения». На диване было тесно и для того, чтобы с бокового кармана шорт достать пачку пришлось немного подвинуть Ольгу. Девушка и без того с румянцем былинной красавицы, смущенно покраснела даже носом. Аккуратно зачесанные назад темные волосы, большие карие глаза, тонкий нос приправленный очками сверху, делали ее похожей на отличницу из школы. Алексей вспомнил фразу Лесина о том, что девушка «то же по целям приехала». По каким интересно? «Дать кому-то списать контрольную, – уже с собой продолжил он, – хотя если включить образное мышление, то может кому-то и... «дать списать». Видимо дневные флюиды Лесина еще не покинули его. Общение пошло быстро и естественно, в компании витал дух новизны знакомств. Только Лесин и Катя были давними партнерами, да и то вели себя как в первый раз. Застолье у взрослых, зарабатывающих парней, очень отличалось, от закусовых табуреток студентов первых курсов. Стас привез крымское вино, Лесин достал свой призовой «Амаретто», заграничный шоколад и фрукты, аккуратно порезанные девушками. Алексею, привыкшему к «северному» стилю питания, где всегда доминировали крепкие напитки, вино казалось просто приятной прогулкой. Что красное, что белое. Настроение на нуле, компания – класс, вино наотмашь. Девушки пили ликер «Амаретто», курили и смеялись. Алексей, всегда более свой в компании со старшими, вошел в настрой – здесь и сейчас. Катя по мышцам Лесина рисовала пальцами, Стас и Анна стремительно теряли дистанцию. Вечер, уже даже ночь, шел в самом правильном направлении. Теснота дивана и постоянное прикосновение к верхней части ноги девушки, навевало

чувство ностальгии по Алине... А когда, Ольга встала что бы выйти из-за стола, то ее вид сзади, в коротких шортах, вызвал уже более физические «адамовы напоминания» в организме Алексея. Вино и сигареты, делали свое. Грусть и хандра уступали место беззаботности и чувству полного равнодушия к проблемам. Уже далеко за полночь, опершись об стойку балкона спиной и обнимая перед собой тело захмелевшей Ольги, Алексей подкуривал сигарету от зажигалки Стаса. Тот говорил о заграничных командировках в Болгарию и Венгрию, о периодических рейсах на каботажных судах, о Крыме и девушках. Признавал, что скучает по Одессе и за университетом, который так и не закончил.

– А где, твоя «альма-матер», незаконченная в Одессе, – просто так спросил, уже порядком поплывший Алексей.

– Университет, Одесский, факультет морская геология в Шампанском переулке.

– Какой факультет? – переспросил Алексей.

– Морской и инженерной геологии, Геофак, короче, – ответил Стас, выдыхая дым.

Это был исторический момент. Здесь на четвертом этаже общежития Водного института, у молодой отличницы в фарватере, с сигаретой в руке и парой бутылок вина внутри Алексей первый раз услышал это словосочетание – Геофак.

В такие моменты, когда вселенная шлет знаки, то принимающее устройство индивида, которому оно адресовано, в каком бы состоянии оно не находилось, получит сигнал. Соблюдено должно быть только одно условие – готовность принять. У Алексея, это условие в последние два месяца выполнялось в независимости от трансформаций его тела. Готовность принять оформилось в отдельный орган, как шестое чувство. Послание, пришедшее со словом – Геофак, пронзило его как ясный, чистый свет в подвале многоэтажного дома, как стихи Маяковского среди скучающих кошек, как второе дыхание для подводника пред открытием торпедного аппарата.

– Я помню, там, – тянул Стас, – сдавали при поступлении географию, сочинение, математику...

– Точно, географию, – наклоняясь вперед, переспросил Алексей, сильнее сжавши Ольгу. Девушка чуть пришла в себя и еще плотнее прижалась к своему держателю.

– Да, там по ней приоритет шел, главный бал все брали перед математикой, – закончил речь Стас и потушил сигарету, – Вы здесь или к нам? – подмигнув, добавил он.

Алексей ментально был уже там, на «Геофаке», но его тело находилось здесь пропитанное миллионами алкогольных квантов, и прижатое к стойке балкона молодой плотью юной отличницы. Лесин, как уважаемый пятикурсник, жил в блоке один. В соседней с ним комнате расположились Стас и Анна, Ольгу же планировали подселить к подружкам Анны. Планы забыть об Алине на эту ночь, Алексей изменил сразу после беседы со Стасом, был щелчок, перезагрузка. Ольга сразу перешла в измерение молодухек, которых он не принимал за объекты достойные внимания. Хотя все предпосылки были. Общаясь с молодой девушкой подчеркнуто-культурно, он вектор ее внимания направил точно на себя. Выпускница средней школы определенно, с жадностью сухой земли ожидала хорошего ливня, после своих школьных дождей. Пара комплиментов, сделанных в нужное время, уверенно продвигали его к успеху. Первый о вине, высказанный при всех: «Не часто встретишь девушку, понимающую в винах!» Ольга что-то рассказывала о Коктебеле и Массандре. Он его позаимствовал у французских романистов. У тех, это считалось умением деликатно выделить особь женского пола среди остального общества. Второй уже наедине, в коридоре по дороге на балкон. Пропуская ее вперед и откровенно рассматривая фигуру сзади, Алексей сказал: «А, можно немного мечты...», и та, изогнувшись с грацией восточной танцовщицы, переступила порожек балкона. В общем, все шло по законам прописанным человечеству еще Адамом и Евой.

Выход был найден – «не даваться живым». Максимальное культурное потребление еще одной бутылки вина и Лесин на правах хозяина провел Алексея восвояси. Ольга к тому вре-

мени перестав различать очертания присутствующих, сняла очки за ненужностью и отправилась в комнату Анны, в объятия морфея.

Юра заботливо встретил пришедших. Добавил, что сон дома всегда оправдан и безопасен. Алексей первый раз в своей жизни спал только ради того, что бы завтрашний день наступил.

Уже в восемь утра следующего дня, он стучал в блок к Лесину. Открыла Анна. Молча, махнула, типа чего тебе?

– Стас, на две минуты, извини, – ответил он с полной покорностью в голосе.

Она закрыла дверь. Что у пятикурсниц было, так это – полный игнор, к правилам морали и своей внешности по утрам. Они свое уже отстрадали. Вот и Анна, с кикиморой темных волос на голове, и в безразмерной майке Лесина, напоминала полуобнаженную амазонку со Слободских окраин.

Стас вышел, без признаков помятости вообще.

– Слушай, извини за беспокойство, за вчера можно инфу, важно, понимаешь, – искренне говорил Алексей.

– Что вчера? – не сразу понял Стас.

– Геофак.

– А-а, Пролетарский бульвар там угол Шампанского, на «пятерке» доедешь, – тянул он.

– Понял, спасибо, еще раз извини за визит, – скороговоркой проговорил Алексей, – Пока.

Стас еще о чем-то поговорил, уже один, постоял и ушел призываемый голосом утренней Анны.

Тот июльский четверг 1990 года, был последним днем подачи документов в Одесский Государственный Университет им. И. И. Мечникова. В приемной комиссии все посмотрели, вежливо поинтересовались о техникуме, который он закончил и чудо, ни одного вопроса об отработке. Все документы приняли! Геолого-Географический факультет. Отделение Инженерной и Морской геологии. Следующий барьер через неделю – экзамен по географии. Взяв список рекомендованной литературы, он зашел в местную библиотеку. Пару книг по климату и тектонике, показались ему нужными.

География, так же как и история для Алексея с детства были любимые предметы. Помимо школьной программы, он очень много читал художественной исторической литературы. Книги о древних империях и цивилизациях были в приоритете при посещении библиотек. Путешествия и герои первооткрыватели вызывали в нем самые яркие ассоциации. Было еще одно отличие Алексея от своих сверстников при чтении книг, он читал все с картой или географическим атласом. Тем самым пребывая со своими героями прямо на месте событий. Со временем он знал расположение, названия и особенности всех стран и территорий практически на память. До сих пор, он мог сразу назвать любую столицу любого государства, без обдумывания. Потом уже в техникуме героика из школьных лет начала уступать место психологии и философии. Труды доктора Сытина и «Сиддхартха» Германа Гессе увели его внимание в эти мудреные сферы.

Шагая по Пролетарскому бульвару, с книгами в руке, вместо документов, он чувствовал себя спокойно и легко, как игрок, которому уже сказали номер лошади-победителя на скачках. Одесская киностудия, стадион «Динамо», тут он вспомнил Алину, и улыбка сама появилась на его лице. Как она там? Надо будет позвонить в бар или коммуны, подумал он.

Но основным ощущением, от происходящего, было то, особое «необъяснимое и основное» чувство, которое приходит всегда, когда обязательно должно произойти то, что не зависит от любых человеческих домыслов и внешних факторов.

Коля и Юра с первого раза так ничего и не поняли. Какой геофак ночью, какой Стас и причем тут экзамен по географии. Алексей, рано утром сорвался из комнаты, ничего не объясняя. «Все потом» – бросил он компании. Похмелье и недосып от ночной пирушки, компен-

сировала энергия от движения к вновь определенной цели. Уже сейчас по выполнению задачи со сдачей документов, он терпеливо уже в деталях, еще раз все рассказывал товарищам. Коля, теребя свой соломенный чуб, восторгался: «Ну! Ты, Леха...» Юра с нескрываемым интересом расспрашивал о геофаке и географии вообще, добавляя, что в Кривом Рогу, то же есть и горы и карьеры. Алексей решил спуститься на первый этаж и позвонить Алине, с общего телефона. Там его окликнул, вахтер Палыч. Взрослый мужчина, бывший бухгалтер и «буквоед», как его прозвали студенты. Он фиксировал все, и даже больше. За то, все знали: кто, с кем, во сколько, когда и видимо сколько раз...

– Алексей, тебе звонили, вот номер, – протянул он листик с номером телефона, и посмотрев в журнал, продолжил, – зовут Алина Патяге.

– По-тя-ге, Палыч, по-тя-ге, – растягивая по слогам, ответил с улыбкой Алексей, – Спасибо, Палыч.

– У меня здесь есть такие фамилии! У-у, – значительно протянул Палыч, – я их стараюсь записывать точно, – продолжил важно он, видимо так и не поняв раскладки Алексея.

Первый звонок в коммуналку и через пару гудков в трубке раздалось:

– Привет «мелкий»!

Алексей понял, что его звонка уже ждали.

– Привет мадам Патяге, – очень мягко ответил Алексей, – Ты меня еще помнишь?

– Сегодня, всю дорогу в Одессу, была пленницей деталей, – смеясь, в тон ему ответила Алина.

– У тебя все хорошо? Я о тебе думал, – пошел Алексей, по протоптанному пути одинокого мужчины, оставленного на время.

– Спасибо, все в порядке, мне очень приятно, – был ответ, немного уставшей женщины, – Приезжай сейчас.

– В пути, – кратко ответил парень.

Уже на третьем этаже Алексей почувствовал физическую усталость от ночного и дневного потока. Собрав все силы, он позвонил в кнопку с номером ее квартиры. Одинокая роза вперед и... Алина была прекрасна, и все же в уголках ее глаз Алексей прочитал следы от прошлого напряжения. «Короче они оба устали, – сразу подбросила ассоциацию память». Улыбка Алексея состояла: из радости от встречи и памятных ассоциаций.

Но полные яркие губы, поднятая над головой рука, короткое платье и оголенные плечи, толкнули его на встречу с «холмиками», оставляя все пережитое за последние сутки далеко позади.

Пару дней о климате и тектонике он не вспоминал. В книги Алексей заглянул после трудовых выходных на «Староконке», но там было все сложно. Стаса и Лесина увидел в столовой и все выложил как есть. Радости Стаса не было предела. Осторожно поинтересовался за Ольгу. Стас ответил, что Ольга из центра города не вылезит и по его версии, кто-то вчера вечером ее провожал до общежития. «Наверно ее фарватер больше не секретный, – как всегда хихикнула память Алексея». Пообещав информировать старших коллег и дальше, и передав привет Ольге, он ушел в свои думы.

В день экзамена по географии, Алексей пораньше вышел из общежития, проследовал по Матросскому спуску вверх с целью просто пройтись. Это освежало и бодрило. В Университете была обычная суета. Под корпусом Геолого-Географического факультета было шумно и многолюдно. Подавляющее большинство этих молодых людей проходили процедуру поступления в ВУЗ первый раз. Сейчас он себя почувствовал «старым воином», среди новобранцев, которому было запрещено себя обнаруживать. Второй этаж, непринужденное общение с коллегами по будущему курсу и небольшая нервозность в атмосфере заведения. Алексей себя чувствовал иначе. Никакой робости и страха. Клокочущая энергия гоночного автомобиля перед стартом. Все его естество превратилось в единый снаряд, заряженный и готовый

только к выстрелу, без права быть утилизированным. От нервных абитуриентов перед аудиторией, он слышал периодически одну и ту же фамилию – Ялко, Ялко. Но не придавал этому большого значения. Стол с билетами, три преподавателя, во главе очень приятная женщина с красивой речью и аристократическими манерами. Это тот случай, когда пришедший человек во всем чувствует участие. «Пожалуйста, на „Вы“, как настроение, располагайтесь», – были термины при встрече. «Не математика с усачем, точно, – поучаствовала память». Через пятнадцать минут Алексей поднял руку готовности. «Валентина Яковлевна Ялко» – так гласила табличка напротив главного экзаменатора. Женщина с интересом посмотрела на молодого человека, приглашая жестом к столу. Какая длинна радиуса земли? Самые большие бухты России, определение бассейнов рек Африки при помощи карты, первый покоритель Южного полюса, количество кислорода в воздухе – ответы на эти вопросы, отскакивали от Алексея как дробь от стены. Валентина Яковлевна, немного улыбаясь уголками глаз, задала несколько простейших вопросов. Повернулась к коллегам и спросила их мнение. Интеллигентного вида мужчина начал не с того. Конечно, преподаватели экзаменаторы прекрасно видят по абитуриенту степень его подготовки, и знают, как его подловить в мелочах. Интеллигент пошел по этому пути. Алексей, не всегда знавший точный ответ, только благодаря своему умению строить словесные вязи, уходил от его «погони», как мог. Ялко с нескрываемым любопытством наблюдала неравную схватку. Потом остановила экзамен и спросила прямо:

– Какую Вы себе сами ставите оценку, Алексей?

– Пять, – прямо ответил тот.

– Уверенно, – сказала Валентина Яковлевна и продолжила, – Наглость города берет.

Видимо Ваше рвение имеет основательные причины.

– Да, Валентина Яковлевна, я хочу учиться здесь, – отвечал Алексей, – мне нужен максимум перед математикой.

Потом, перебросившись парой слов с коллегами, они отпустили Алексея, услышав все его доводы.

Принимая решение идти практически без обдумывания, он понимал, что этим уже себе гарантирует дополнительный бал. Как выяснилось, так поступил только он, со всего потока. Уверенность в высшем бале перешла в стадию сбывшегося факта. Ему поставили пятерку. Потом еще долго однокурсники вспоминали как студент Гурский, сдавал географию самой Валентине Яковлевне Ялко, женщине, фамилия которой была в тридцатке самых выдающихся людей планеты, как специалиста палеонтолога. Видимо эта умнейшая женщина знала простую истину – что лучше взять двух энтузиастов и обучить их, чем одного зануду и «зубрилу», который знает все.

Поздравления были искренние и бокалы полные. Триумф был всепоглощающим для всех. Компания Лесина чувствовала себя в роли отцов основателей университетского будущего Алексея. От Ольги он заслужил скромный поцелуй в щечку. Девушка была немного смущена от той посиделки, но Алексей все ввел в рамки ситуации – «Мы все равны перед докторами и «Амаретто». После двух дней Стас, при встрече в коридоре сказал, что если мы будем так отмечать каждый экзамен Алексея, то он не гарантирует никому будущего после вступительного периода.

Алина, как бывшая студентка, прекрасно понимала, что сдавшиеся города на несколько дней всегда отдадут на волю победителю. Армия студентов общежития Водного института праздновала победу на покоренных Алексеем территориях, без привязки к этикеткам и объемам бутылок.

Состояние зацепки за что-то важное дает дополнительные силы и уверенность в правильности своих действий. Алексей почувствовал себя снова на пути воином с хорошим снаряжением и крепкими тылами. Следующий рубеж был самым решающим в его жизни без преувеличений. Даже, весь «напалм» в ситуации с празднованием удачного экзамена по географии,

не смог его увести от ощущения степени важности предстоящего события. В действиях и речах Алексея появилась некоторая отстраненность от всего окружающего. Он внутренне сосредоточился на происходящем. С парнями из общаги, то же общение и те же действия внешнего характера. С Алиной, которая после географии, начала воспринимать Алексея, более серьезно, перемены в глаза не бросались, а стали заметны в поведении и в отношении к делам друг друга. Она независимая взрослая женщина, могла позволить себе любые интрижки, и Алексей сразу тоже не был исключением. Потом вместо развлекательно-игрового стиля в их отношениях появились нотки отношения людей, которые хотят сделать друг другу что-то важное и полезное. Это то, особое чувство альтруизма, когда просто желаешь человеку успеха и готов сделать для него все, что от тебя зависит, без ожидания похвалы или вознаграждения.

В вечер перед экзаменом математики, Алина приготовила на ужин прекрасное жаркое. Она не часто сама готовила или по причине занятости или просто предпочитала брать из бара готовую еду. Сегодняшние ее усилия можно смело было считать исключением из правил. Салат из летних овощей и огромное разнообразие южных фруктов стали источником вкуса и энергии для молодых людей. Стол украсила так любившееся паре бутылочка «Сангрии». Алексей в эти пару дней был больше для нее в обращении негромкий Леша, чем постоянно активированный «Мелкий». Она старалась не нарушать личное пространство молодого человека, перед важным событием в его жизни. На ней было легкое светлое домашнее платье, с красивыми радужными разводами, в разных местах. Оно больше напоминало халат домохозяйки, чем сильно отличалось от ее любимых мини вариантов, как сверху, так и снизу. Аккуратно уложенный светлый волос назад, полностью открывал ее лицо. Ни грамма косметики в этот вечер, делали Алину самой близкой и самой чистой для Алексея.

Из двухкассетного магнитофона «Akai», зазвучали волшебные звуки «Crazy diamond» в исполнении группы «Пинк Флойд». И она, подойдя к Алексею сзади на балконе, нежно обняв его, сказала: «Леша, все будет – „па тяге“, ты же знаешь, женщина чувствует такие вещи, идем ужинать».

В кабинете для экзаменов по математике, не смотря на солнечный день, было темно-вато и прохладно. Ветер колыхал полузакрытые шторы. Преподаватели, принимающие экзамены, выглядели строго и торжественно. Монументальность чувствовалась во всем. Алексей подошёл к столу с билетами. Три человека, двое мужчин в светлых рубашках и бардовых галстуках, и почтенная дама сидели за ним. Женщина была одета во все чёрное. Когда Алексей подошёл, она начала кутаться в тёмную вуаль, как при ознобе. Ее лицо показалось ему очень знакомым. Стало тихо совсем, было даже слышно шорох бумаги о стол, когда Алексей тянул билет. Женщина, немного в бок характерно поворачивала голову, как делают при неприятной беседе. С билетом Алексей последовал к свободной парте. Экзаменуемые сидели практически без движения. Он занял свободное место. Складывалось ощущение, что слышно только его и шорох штор, качаемых ветром. Он открыл билет, там вместо текста были странные рисунки, под номерами заданий. Под первым номером было изображение какого-то кирпича с подписью -«неровный». От него отходила стрелка к четвёртому пункту, где было изображение лежащих наручных часов на плоской скале. Второй и третий вопросы были изображены в виде обычных знаков вопросов красного цвета. Пятым пунктом оказалось изображение руки дикаря с огромным каменным топором. Сказать, что Алексей ничего не понял, так это ничего не сказать. Он ждал разных вариантов развития событий, но не таких точно. Старая дама искоса на него смотрела, немигающим взглядом. Становилось немного не по себе. Он определённо ее, где-то видел. Смысл бреда нарисованного в билете, Алексей попытался выяснить у девушки сидящей рядом. Он незаметно для экзаменаторов, протянул к ней руку. Мгновение и его пронзило холодом до самого предплечья, как бывает при случайном прикосновении к ледяному предмету. Рука девушки воскового цвета, обездвижено осталась лежать на парте. Подняв взгляд на нее, как раз в то время, когда порыв ветра отбросил в сторону, повисший локон ее седых

волос вверх, он с ужасом увидел на бледном лице неживой отблеск стеклянного глаза. Холод по спине и падение всего внутреннего существа в низ. Страх заставил его оглядеться, вокруг сидели такие же мертвецы. Через мгновение его взгляд прямо перед собой остановило, старое искаженное лицо дамы в черном наряде. Сантиметры отделяли ее от застывшего Алексея.

– Решение! Решение! – прошипело оно.

Ком в горле и полный паралич был его ответом приближающемуся лицу. В открывшиеся двери аудитории вошел полураздетый человек в наряде индейского шамана. Память, сейчас тоже прибитая шоком, еле, еле из себя выдавила: «Дон Хуан, молодой... Ка-кого здесь?» При приближении Алексей в шамане узнал Сашку «Гориллу», тот в правой руке держал копьё, а в левой высоко поднял «Свидетельство о Браке с Захирой». Из-за правого плеча Сашки вышла Ольга, сестра Стаса. Она была полностью обнажена и только внизу – там, как прикрытие у нее висел гусарский эполет. Ее распущенные длинные волосы еле прикрывали полную девичью грудь, посредине в ложбинке на бичевке висели огромные очки. Своим блеском они начали слепить Алексея. «Горилла» поднял копьё в сторону Алексея и голосом Захиры протянул:

– Ре-ше-ние, ре-ше-ние.

Старая дама быстро накинула на шею Алексея свою темную вуаль и, на манер детского шарфика, начала душить его, растягивая руки в разные стороны. Тут он ее узнал! И уже задыхаясь, прохрипел: «Качура, Качура».

– «Мелкий», Леша, ты что там, э-э-й, проснись, – толкала его Алина. Обращение Леша, Алексей слышал только тогда, когда Алина или хотела сильно от него что-то узнать или просто о чем-то переживала. Он сел в кровати, мокрый и в глубоком трансе.

– Ты как дорогой, – Алина прижалась к нему, – что-то приснилось, это от переживаний, все хорошо, я рядом.

Алексей уже пришел в себя. Ответил объятием Алине.

– Не поверишь, наснится так наснится.

– Качуха, качера, – это что такое ты там кричал, – с тревогой спросила Алина.

– Качура, а если вообще правильно, то Качура Нина Исакиевна, наша преподавательница по математике в техникуме, – проговорил Алексей.

– А, я уже подумала, что тебя там утки атакуют, во все места, одновременно – сменив тревогу на обаяние, ответила Алина.

Поднялась, накинула длинную футболку и прошла к двери. Повернулась со словами: «Леш, я сейчас завтрак сделаю, ты успокойся, все получится, а остальное просто сон».

Эти очень простые слова, прозвучавшие от одного человека к другому, и были тем самым «необъяснимым и основным», что делает людей близкими без всех страстей и регалий, дает понять, что есть просто одна волна, одно измерение, одно понимание жизни, такое простое и такое настоящее.

Алексей за завтраком рассказал Алине о Качуре Нине Исакиевне. Эта почтенная дама была преподавателем математики на первых курсах в Строительном техникуме. Своим скрипучим голосом и строгим видом она вызывала неподдельный ужас у студентов. О, вечерних перездачах зачетов ей, ходили легенды от курса к курсу. Нина Исакиевна придералась ко всему, а ее метафоры носили мегазначительный характер. «Сегодня ты поля в тетрадке не провел, а завтра ты наркоман!» – заявляла она первокурсникам, проверяя их тетрадки. Часто добавляла: «Все начинается с одной неправильно поставленной палочки в уравнении...». Чем вызывала смешки у парней и смущение у девушек. Когда она замечала такие реакции у себя на уроках, то становилась полуоборотом к аудитории, и тоном английской королевы говорила: «Не бравировать, сосунки». Алина, прошедшая обучение в приличном, даже можно сказать элитном учебном заведении, всегда с удивлением и неподдельным интересом слушала рассказы Алексея о его студенчестве. Свой сон он ей рассказал, благо разумно опустив эпизоды

с «Гориллой», Захирой и, конечно же, с Ольгой. А то пришлось бы еще очень долго водить Алину по самым темным закоулкам своей жизни.

Уже в реальности, экзамен по математике проходил в том же корпусе только в другой аудитории. Те же эмоции и переживания молодежи, та же предэкзаменационная суета. Алексей стоя у окна, рассматривал своих будущих сокурсников. Вероятно все ребята после десятилетней школы, много приезжих, практически нет иностранцев. Подавляющее количество парней перед девушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.